

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Точка
Общая газ. - 1996. -
поворота
8 февр. - с. 1.
30 лет назад, в феврале
1966 года, состоялся процесс
Синявского и Даниэля

Этот процесс в советской истории стал одним из ее узловых моментов.

С Юлием Марковичем Даниэлем я был почти незнаком, хотя однажды накануне нового (скорее всего, 64-го) года провел вечер в его квартире. Там собралось много людей, по большей части сотрудников Института мировой литературы, где Андрей Донатович Синявский был старшим научным, а я аспирантом. Гвоздем вечера был молодой Высоцкий, он спел тогда большой цикл своих лагерных песен. Уже был напечатан «Один день Ивана Денисовича», но лагерная тема оставалась жгучей, полузапретной. Да и тогдашняя обстановка, когда Хрущев устраивал писателям и художникам устрашающие разносы и шли слухи, что за политические анекдоты скоро начнут сажать, представляла собой смесь раскрепощения и угрозы. В квартире Даниэля царил в тот вечер атмосфера лихости, но с долей тревоги. Марья, жена Синявского, чуть ли не трижды в течение вечера заставляла Володю повторить песню о стукачах.

Андрея Донатовича я знал достаточно близко: три года раз в неделю слушал его на заседаниях сектора ИМЛИ. Сектор готовил тогда «Историю русской советской литературы», первую попытку представить картину литературного развития без чудовищных искажений и изыятий. И Андрей Донатович был тут, по сути, главным действующим лицом. Зажав ладони между коленями и сгорбившись, он говорил тихим голосом, в сугубо академической манере, но в его речах всегда развертывалась стальная пружина неожиданной и смелой мысли. Запомнилось, как в марте 65-го мы с ним долго беседовали на юбилейном вечере «Нового мира». А в сентябре — обухом по голове — его арест...

В первые месяцы после смещения Хрущева новая власть предпочитала не афишировать свои политические планы. Но мало-помалу они начали просачиваться. Статья Твардовского «По случаю юбилея» в январской книжке «Нового мира» была изуродована при участии Секретариата ЦК во главе с Брежневым. Тогда же первый секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев публично обрушился на повесть Солженицына (годом раньше чуть было не получившую Ленинскую премию!); решение ее публиковать теперь расценивалось как возмутительное проявление «субъективизма и волюнтаризма» свергнутого владыки. Тучи сгущались, и все же арест двух литераторов грянул как гром среди ясного неба.

Арестом Синявского и Даниэля, судом над ними и зверским приговором (первому семь, второму пять лет лагеря строгого режима) власть демонстративно громко сказала стране и миру: все! «оттепель» закончилась и лагерные ворота открыты заново. Это был вызов и испытание обществу, и оно начало делиться на две неравные части. На тех, кто соглашался, пусть нехотя, подчиниться властям, принять новые (старые) правила игры, и на тех, кто осмелился пойти им наперекор. Первых, понятно, было больше; но и последних оказалось неожиданно много.

В 1958 году, когда шельмовали Пастернака, желающих защищать его почти не было. А в 1965–66-м, хотя по всем советским меркам вина Синявского и Даниэля (публикация за рубежом «антисоветских» произведений) была более тяжелой, только письмо XXIII съезду КПСС с просьбой об их освобождении «на поруки» подписали 62 члена Союза писателей! Вот какой кардинальный сдвиг произошел всего за семь лет в общественном сознании, вот как внутренне освободились и нравственно окрепли люди! Была первая за десятки лет политическая демонстрация (5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади) и листовка ее организатора Александра Есенина-Вольпина с требованием гласности судопроизводства. Был литературовед В.Д. Дувакин, выступивший на суде свидетелем защиты и за то уволенный из университета. Был Твардовский, безуспешно настаивавший, чтобы руководство Союза писателей ходатайствовало перед ЦК об освобождении обоих заключенных. Наконец, были прямые продолжатели их подвига Юрий Галансков и Александр Гинзбург, составители Белой книги — сборника документов по делу двух писателей, — поплатившиеся за свою смелость лагерными сроками.

Процесс Синявского — Даниэля имел для нашей страны двойное значение. С одной стороны, с него началась «ресталинизация». С другой стороны, отсюда берет начало история диссидентства и, шире, демократической оппозиции тоталитаризму вообще. «Новый мир» Твардовского, «Современник» Олега Ефремова, театр Юрия Любимова на Таганке, песни Окуджавы, Галича, Высоцкого, Кима, руководимый М.Я. Гелфтером семинар обществоведов при Институте всеобщей истории, Солженицын, Сахаров, первые шаги «самиздата» — далеко не полный перечень значительных проявлений этой первой в советской истории сознательно оппозиционной волны. Не получив тогда широкой поддержки в народе, она разбилась о гранит системы. Но она, безусловно, принадлежит к лучшему, что было и есть в нашем национальном наследии. Поэтому когда Сергей Ковалев говорит сегодня, что вновь ощущает себя диссидентом, я думаю: это и плохо, и хорошо. Плохо, что ход событий снова заставляет граждански ответственных людей становиться демократической оппозицией власти. Хорошо, что они это делают. Иначе общая наша судьба была бы безнадежна. И как же важно не проглядеть сегодняшнюю точку поворота к надвигающейся на нас «ресталинизации № 2».

Юрий БУРТИН